

Научная статья
УДК 93/94.39
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/66-75>

Дальневосточная одиссея военкора Б.Л. Тагеева

Дмитрий Александрович БУТЫРИН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, www1979@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена дальневосточному периоду жизни Бориса Леонидовича Тагеева (1871–1938 гг.), российского и советского писателя, востоковеда и журналиста. Скандальная репутация писателя стала основной причиной, по которой его биография до сих пор остается малоизученной. Данная статья стала возможной благодаря использованию автором ранее недоступных документов из собрания Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (г. Владивосток).

Ключевые слова: журналистика, консул, политический розыск, пропаганда, революция, русско-японская война, Япония

Для цитирования: Бутырин Д.А. Дальневосточная одиссея военкора Б.Л. Тагеева // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 66–75. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/66-75>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/66-75>

Far Eastern odyssey of the war correspondent B.L. Tageev

Dmitriy A. BUTYRIN

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, www1979@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the Far Eastern period of the life of Boris Leonidovich Tageev (1871–1938), a Russian and Soviet writer, orientalist and journalist. The scandalous reputation of the writer became the main reason why his biography still remains poorly studied. This article became possible due to the availability of previously unavailable documents from the collection of the Russian State Historical Archive of the Far East (Vladivostok).

Keywords: journalism, consul, political investigation, propaganda, revolution, Russian-Japanese war, Japan

For citation: Butyrin D.A. Far Eastern odyssey of the war correspondent B.L. Tageev // Oriental Institute Journal. 2022. № 4. P. 66–75. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/66-75>

Борис Леонидович Тагеев появился на свет 30 ноября 1871 г. в Санкт-Петербурге в семье юриста. По семейному преданию, его дед Бакир ибн Мухаммед Тахки родился в Персии от одной из многочисленных жён шаха. Он был привезен в Петербург, окрещён по православному обряду и получил фамилию Тагеев. [11, с. 3].

С 1887 г. семья Тагеева жила в Новом Маргелане (ныне Фергана), где отец будущего писателя служил в областном суде. Б.Л. Тагеев получил домашнее образование. Он прекрасно изучил быт, нравы, обычаи и культуру местного населения, владел персидским языком, самостоятельно выучил сартовский (узбекский) язык. Талант наблюдателя и рассказчика дал возможность молодому человеку печататься в российских журналах "Нива", "Разведчик", "Всемирная история" [2, с. 77].

В 1892 г. Б.Л. Тагеев поступает на военную службу вольноопределяющимся в 1-й Туркестанский линейный батальон. Слава военного журналиста приходит к нему после выхода в свет его книги в Петербурге в 1900 г. "Русские над Индией. Очерки и рассказы из боевой жизни на Памире" о Памирских походах, в которых прапорщик Тагеев принимал участие в 1892 г. Российское общество тепло встретило первую книгу. Интерес к книге был вызван не только описанием военного похода, но и критикой журналистом деятельности Ферганского губернатора И.С. Повало-Швейковского, виновного, по мнению автора, в бедственном положении населения региона. Обращение Б.Л. Тагеева к разоблачительной журналистике

можно рассматривать и как способ привлечения внимания читающей публики к своей книге [6, с. 6].

Через два года в г. Варшаве выходит новое сочинение Б.Л. Тагеева "Памирские походы 1892–1895 гг. Десятилетие присоединения Памира к России", которое также содержало негативную оценку деятельности российской военной администрации в туркестанском регионе, которая, по словам автора, "нагайками хлещет туземцев, ворует, солдат мучает". Именно критическое отношение автора к власти сделало эту книгу противоречивой. С одной стороны, раскрытие правды о коррупции и злоупотреблениях – дело хорошее, но с другой – оскорбительные, бранные высказывания Тагеева по отношению к гражданской и военной администрации Туркестанского края произвели неприятное впечатление даже на самых отъявленных противников царского режима. Новая книга Тагеева привлекла внимание не только российского читателя, но и Главного управления по делам печати, и издание было запрещено цензурой. Основной причиной запрета стало утверждение автора, что "...завоевание Туркестана шло со зверствами русских войск" [10, с. 614].

Но все же первая книга "Русские над Индией" принесла писателю успех и известность. Популярность Б.Л. Тагеева в России усилилась после нелегальной поездки по заданию российской разведки в Афганистан в 1897 г., воспоминания о которой были опубликованы российскими журналами [2, с. 77].

Когда началась Первая греко-турецкая война в 1897 г., военный корреспондент снова оказался в зоне конфликта, снабжая российские газеты подробностями о боевых действиях враждующих сторон, а в 1900 г. принял участие в штурме Пекина в ходе подавления Боксерского восстания в Китае. Печатался Борис Леонидович под псевдонимом "Рустам Бек" [10, с. 5].

Журналист быстро стал известным в литературных кругах Москвы и Петербурга, среди его знакомых были представители династии Романовых. Общительность, острый ум и умение располагать к себе людей позволили Тагееву в 1901 г. после увольнения с военной службы в звании поручика выступать с лекциями в Москве и других городах Российской империи, работать в редакциях "Военного альманаха" и "Альманаха армии и флота" [3, с. 10].

Редакторская карьера Б.Л. Тагеева была недолгой. Летом 1903 г. в Македонии вспыхнуло Илинденско-Преображенское восстание, ставшее кульминацией национально-освободительной борьбы македонских и тракийских болгар против власти Османской империи. Осенью 1903 г. Тагеев как военный корреспондент вместе с отрядом русских и болгарских добровольцев отправляется в Македонию. Работая в зоне конфликта, Борис Леонидович отмечал в своих репортажах, что русские добровольцы стойко преодолевали все невзгоды, горя желанием послужить "славному делу освобождения славян" [12, с. 788].

Прошло совсем немного времени, и Б.Л. Тагеев становится участником нового военного конфликта: в 1904 г. началась Русско-японская война. Как корреспондент военно-учебного отдела (ВУА) Главного штаба, он был прикомандирован к действующей армии на Дальнем Востоке. Б.Л. Тагеев участвовал в разведывательных рейдах, сражался с японцами под командованием генерала А.В. Самсонова под Вафаньгоу в начале июня 1904 г., был ранен [15, с. 495].

20 июня 1904 г. Б.Л. Тагеев прибыл в Порт-Артур, где он выполнял обязанности офицера связи. "Когда я получил приказание главнокомандующего (адмирал Е.И. Алексеев, наместник на Дальнем Востоке и главнокомандующий русских войск в Порт-Артуре и Маньчжурии. – Прим. авт.) прорваться через блокаду в осажденную крепость, и был на борту славного миноносца "Лейтенант Бураков", прибывшего в Инкоу. Миноносец едва не сделался жертвой японцев. На пересечку нашего курса шли японские крейсера, и лишь только опыт командира лейтенанта Долгобородова дал возможность прорваться и на этот раз неприятельскую засаду", – вспоминал Б.Л. Тагеев [9, с. 4].

Он пробыл в крепости 3 недели, выполнял множество поручений, в том числе и доставку секретной почты. Между журналистом и генерал-лейтенантом

А.М. Стесселем, комендантом Порт-Артура, установились доверительные служебные отношения. Иногда он участвовал в переговорах, когда офицеры не могли достичь согласия и понимания относительно боевых действий и обороны города. За службу Тагеев был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом [5, с. 597].

8 июля на свой страх и риск Б.Л. Тагеев взялся доставить генералу А.Н. Куропаткину от коменданта А.М. Стесселя сведения о плачевном положении Порт-Артура. Город был отрезан от русской армии в Маньчжурии и окружен сотысячной армией врага с суши и флотом с моря. Из воспоминаний генерал-лейтенанта А.М. Стесселя: "...он с Купчинским выехал на китайской шаланде из Артура в Инкоу, на пути им на горизонте встретился японский миноносец, который мог их не заметить. Тагеев и бывший с ним унтер-офицер хотел пройти мимо незамеченными, но Купчинский вдруг вскочил и стал махать белым платком миноносцу, после чего последний и взял всех троих в плен". Сумку с документами Тагеев сумел выкинуть в море [8, с. 745].

Так, благодаря Филиппу Петровичу Купчинскому, российскому поэту и литератору, военному корреспонденту газеты "Русь", Б.Л. Тагеев оказался в лагере для военнопленных близ города Мацзяма.

Военный журналист Константин Маркович Соломонов оказался в одном лагере с Тагеевым, с которым у него сложились приятельские отношения. Из воспоминаний журналиста: "Пленный корреспондент Борис Тагеев, пришёл в сопровождении конвойного к нашему помещению объявил:

- Почтенные порт-артурцы! Завтра у вас отберут ваши "спаги"!
- Да что вы врете, нам шашки оставлены по условиям капитуляции.
- А вот увидите!

Все страшно взволновались. Японцы до сих пор соблюдали все условия капитуляции и вдруг теперь вздумали нарушить их. "Врет корреспондент", решила публика, когда прошло первое впечатление новости. Но Тагеев не врал. Впоследствии японцы рассказывали, что причиной отнятия шашек был случай с одним офицером, который в нетрезвом виде рубил шашкой. Во избежание всяких инцидентов, военный министр и распорядился отобрать шашки" [15, с. 495].

В плену Б.Л. Тагеев близко сдружился с лейтенантом К.П. Ивановым, мичманом К.Г. Шиллингом и другими офицерами с погибшего крейсера "Рюрик": "И вот, когда меня судьба свела в плену в Японии с этими героями, когда мне долгое время пришлось прожить с ними в Мацзяме, я не упустил случая собрать со слов участников славного рюриковского боя ценный и в высшей степени интересный материал, переданный мне ими еще под живым впечатлением недавно разразившейся катастрофы" [11, с. 6].

Спустя год, в Харбине в 1906 г. с помощью редактора газеты "Новый край" полковника П.А. Артемьева Б.Л. Тагеев выпустил свою книгу "Гибель славного "Рюрика"" [12].

"Беззаветная храбрость и верность своему долгу офицеров и команды крейсера, хладнокровие их по отношению к тому критическому положению, в котором очутился Рюрик, лишенный возможности управляться, с уничтоженной артиллерией и огромной потерей в людях, твердое и бесповоротное решение погибнуть, но не сдаться, заслуженно возводят экипаж этого славного корабля в степень героев Земли Русской", - писал Б.Л. Тагеев [11, с. 5].

Для большей достоверности Б.Л. Тагеев выпустил книгу как сборник рассказов участников "неравной борьбы славного "Рюрика", а не "не в виде целого компилятивного очерка". В книге подробно изложены все события боя. Многие читатели отмечали эмоциональность автора по отношению к героям книги. Он прославлял младшего артиллерийского офицера лейтенанта К.П. Иванова, который, будучи неоднократно раненым, командовал в последние минуты боя. Именно он отдает приказ открыть кингстоны и последним покидает корабль, после чего броненосный крейсер русского флота "Рюрик" с поднятым Андреевским флагом и сигналом "Погибаю, но не сдаюсь!" скрылся под водой. Отметил автор и героическое пове-

дение корабельного священника, иеромонаха о. Алексея, который во время боя оказывал медицинскую помощь военным морякам и исповедовал раненых, отпевал павших в бою. Также в книге приведены записи судового врача Н.П. Солухи, в которых также подробно отмечены ранения офицеров [11, с. 4].

Сам писатель высоко оценивал свою книгу: "Постепенное пополнение пробелов в рассказе того или другого, дебаты о правильности описания тем или другим из очевидцев моментов боя, выводы и замечания их, а также критическая оценка действий друг друга, все это лишь способствовало мне округлить собираемый материал, который таким образом из простого описательного мало-помалу начинал превращаться в исторический, и тем более ценный, что записывался в то время, когда у каждого перед глазами еще жива была страшная картина действительности, когда все мельчайшие подробности боя еще ясно хранились в памяти и не были задернуты туманом времени и новых впечатлений" [10, с. 6].

Во время пребывания в плену журналист был увлечен не только работой над книгой, но и идеологией революционного движения: Тагеев познакомился с Николаем Константиновичем Судзиловским, доктором медицинских наук, публицистом и революционером. Н.К. Судзиловский с 1874 г. проживал в эмиграции. В революционных кругах был известен как доктор Руссель. Он принимал участие в организации социалистических кружков в Болгарии, Румынии и США. В 1905 г., находясь в Японии, он со своими американскими соратниками организовал "Комитет помощи русским пленным" и стал издавать для них еженедельник "Япония и Россия". После революции в России в 1905 г. он был увлечен идеей отправить в Россию для помощи восставшим 60 тысяч русских вооруженных военнопленных. С разрешения японских властей он посещал со своими сторонниками лагерь военнопленных для ведения пропаганды революционных идей [4, с. 1002].

В лагере появился кружок из молодых офицеров, на собраниях которого выступал Н.К. Судзиловский. В дискуссиях и спорах принимали участие лейтенант К.П. Иванов, мичман К.Г. Шиллинг, фельдшер П.К. Крузман, а также Б.Л. Тагеев. Но дальше дело не пошло: создать революционную организацию среди офицеров Н.К. Судзиловскому не удалось [15, с. 500].

После подписания Портсмутского мира Б.Л. Тагеев покинул Японию. Так журналист оказался во Владивостоке, откуда 9(22) ноября 1905 г. он отправился в Санкт-Петербург. Путь его лежал через Харбин, но, поскольку вся страна была охвачена революцией, до места своего назначения он не доехал: началась всеобщая забастовка, и Тагееву пришлось волей-неволей остаться в Харбине. В городе он встретил старых и обрел новых друзей. Общественная жизнь кипела: активно велась работа партийных организаций, повсеместно проходили митинги и собрания. Б.Л. Тагеев как журналист приветствовал долгожданные перемены – свободу слова и печати, восторженно уйдя с головой в общественную жизнь города, став редактором местной газеты. Как он сам вспоминал: "Новый край" издавался в Харбине. Редактор-издатель его был в Петербурге, отрезанный забастовкой. Весь ноябрь и декабрь я давал направление газете, сделав из нее военно-радикальный орган" [10, с. 762].

О своей работе в "Новом крае" Борис Леонидович не часто, но все же рассказывал в своих книгах читателям: "Однажды начальник штаба 9-й дивизии Сытин рассказал случай, как прибывший из плена Фок [А.В. Фок – русский генерал, во время Русско-японской войны начальник 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, находившейся в Порт-Артуре. – Прим. авт.] вместе с Куропаткиным навестили Шитуачензы и, окружив себя на станции стрелками, начали беседу с ними, затронув причины падения Порт-Артура: "Вы знаете, братцы, что обвиняют теперь нас, генералов, в плохой обороне Артура. Но мы не виноваты, так как солдаты у нас были такая сволочь, что с ними нельзя было драться. Они бежали от японцев, грабили все кругом и убивали друг друга. Будь у нас они получше, до сих пор бы держали Артур". Проверив сообщение Сытина, я в номере 434 "Нового края" от 30 ноября напечатал статью "Фок себе верен", в которой резко корил героя за клевету истинных защитников павшей крепости. Но и Фок на момент вы-

хода статьи был назначен начальником тыла войск Маньчжурской армии и обрушился на редактора, я уехал в Лашагоу, где благодаря покровительству Линевича [Н.П. Линевич – русский военный деятель, генерал от инфантерии (1903), генерал-адъютант (1905); руководитель подавления Боксерского восстания. – Прим. авт.] избежал крупной неприятности. Помогло последнему обстоятельству также время октябрьских свобод, которыми еще пользовалась Маньчжурия. На Рождество приехал Артемьев [П.А. Артемьев – генерал-лейтенант, председатель Владивостокского военно-морского суда, редактор газеты "Новый край". – Прим. авт.], и мое влияние окончилось" [10, с. 762].

В середине 1906 г. Б.Л. Тагеев был арестован. Из документов Владивостокского охранного отделения: "Борис Леонидович Тагеев (литературный псевдоним Рустам Бек), прапорщик запаса кавалерии подлежит преданию суду за преступное деяние среди находящихся в Японии пленных нижних чинов по статье 128, п. 1. ч. 120, 131 ст. уголовного уложения". Таким образом, власти припомнили журналисту кружок в японском плену, знакомство и переписку с Н.К. Судзиловским. (РГИА ДВ. Ф.87. Оп. 1. Д. 1580. Л. 23).

С помощью друга А.П. Попова Б.П. Тагеев сбежал из-под стражи. Это событие автоматически причислило журналиста к революционерам. С фальшивым паспортом на имя техника Малицкого, переданным ему Н.Е. Гариним-Михайловским, Тагеев направился во Владивосток, чтобы уехать в Японию: Борис Леонидович рассчитывал на помощь Судзиловского, который в Нагасаки занимался революционной и издательской деятельностью [2, с. 79].

Обосновавшись в Японии, Б.Л. Тагеев встретился с Н.К. Судзиловским, завел новые знакомства из круга политических эмигрантов, о которых совсем недавно отзывался крайне негативно: "...лишь партия социалистов, эта ничтожная кучка преимущественно русских эмигрантов, ненавидит нас и здесь, как ненавидит она весь мир, все человечество" [12, с. 788].

Стремясь заработать, Тагеев даже занимался военной контрабандой – перепродажей русских трофейных винтовок. С помощью Н.К. Судзиловского Б.Л. Тагеев начал сотрудничество с издательством "Воля", занимался распространением одноименной газеты. По тиражам "Воля" превосходила все другие русские издательства Дальнего Востока. Газета являлась печатным органом русских революционных эмигрантов и издавалась на средства, собираемые тайной подпиской во Владивостоке и главным образом в Шанхае, призывала к вооруженной борьбе и террору для свержения в России самодержавия (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1589. Л. 50).

Закрытие газеты "Воля" поставило Н.К. Судзиловского перед фактом партийного размежевания русской революционной эмиграции в Японии. Он создает новую организацию – Нагасакскую группу "Союза помощи народному освобождению", имеющую цель оказывать материальное и духовное товарищеское содействие русским политическим эмигрантам. Председателем был назначен социалист-революционер П.И. Кларк, вице-председателями стали Н.К. Судзиловский и социалист-революционер Иосиф Чаки, владеющие совместно типографией "Дальний Восток" (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1580. Л. 61).

Кроме того, Н.К. Судзиловский в мае 1907 г. начинает издавать "Промышленную российско-японскую газету", редактором которой стал Б.Л. Тагеев. Во вступительной статье редактор заявил, что газета "совершенно свободна от политической окраски и ставит себе задачей развитие торгового дела между Россией и Японией и систематизирование данных, важных русским коммерсантам, завязавшим торгово-промышленные сношения с Японией". Однако в действительности газета преследовала другие цели. Консул З.М. Поляновский в своем докладе писал военному губернатору Приморской области В.Е. Флугу, что поскольку экспроприация в Японии не возможна, газетная реклама обеспечила стабильный доход Нагасакской группе "Союза помощи народному освобождению". Б.Л. Тагеев рекламировал в первую очередь предприятия, которыми владели революционеры, например, "Кефирное заведение братьев Кларков", еврейских предпринимателей,

которые жертвовали деньги на деятельность организации. В статье "К приходу русских офицеров" редактор рекламирует российским военным гостиницу Belle Upe в г. Нагасаки. Согласно донесениям агентов консула, рекламируемое заведение пользовалось сомнительной репутацией, поскольку являлось "облюбованным гнездом революционеров, не прекращавших попыток завербовать офицеров флота в революционную организацию" (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1591. Л. 89).

Так Тагеев попал под наблюдение агентуры русского консула в Нагасаки. У З.М. Поляновского не было никаких сомнений, что Тагеев – шпион. В эмигрантских литературных кругах в Японии ходили слухи о том, что журналист мог быть завербован японской разведкой, о чем было известно консулу. Так, в письме к Н.К. Судзиловскому 1 января 1906 г. польский деятель революционного движения и этнограф Бронислав Пилсудский оповестил своего друга: "...Читали наверно известие о том, что казнили Тагеева, офицера из пленных за сношение будто бы изменническое с японцами. Он, кажется, был в числе Ваших знакомых..." [7, 21]

Кроме того, согласно агентурным данным, деловым партнером "Промышленной российско-японской газеты" оказалась фирма "Коей Шиокай", филиал которой во Владивостоке служил местом встреч лиц, ведущих шпионаж, в пользу Японии. Так же агентурой консула было установлено, что одним из газетных сотрудников Тагеева был переводчик японец Куба, резидент японской разведки. Консул сообщал о своих подозрениях военному губернатору Приморской области В.Е. Флугу (РГИА ДВ. Ф.87. Оп. 1. Д. 1580. Л. 23).

В октябре 1907 г. консул поставил в известность начальника Владивостокского охранного отделения А.Д. Заварицкого, что согласно агентурным данным, некто А.А. Деливрон, отставной лейтенант русского флота, утверждал, что Б.Л. Тагеев занимался шпионажем и пытался продать российские военные секреты японскому генеральному штабу. Как отметил З.М. Поляновский: "Сведения от Делеврона о Тагееве заслуживают внимания, были получены от разных агентов, но информация оказалась идентичной. Тагеев подлежит суду за покушение на измену по статье III уголовного уложения" (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1591. Л. 27).

Информатор консула заслуживает отдельного внимания. Андрей Андреевич Деливрон, бывший офицер русского флота, с весны 1903 г. проживал в Японии. Окончив юридический факультет Токийского университета, А.А. Деливрон в г. Нагасаки владел школой изучения русского языка. Это был единственный источник его дохода. Из записок З.М. Поляновского: "Тагеев случайно увидел Деливрона около русского консульства в г. Нагасаки поздно вечером, завязалось знакомство. По словам Деливрона, Тагеев предложил ему стать посредником в одной сделке с японцами, которая принесет им сказочное богатство. Он понял, что речь идет о документах военного свойства". Б.Л. Тагеев и А.А. Деливрон добились встречи с японскими дипломатами в Токио, но сделка не состоялась, поскольку компаньоны не вызвали доверия. Тагеева японцы приняли за мошенника, а А.А. Деливрона подвела "дурная репутация": за время проживания в Японии он успел "отсидеть в японской тюрьме за мошенничество" (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д.1591. Л. 26).

Начальник Владивостокского охранного отделения А.Д. Заварицкий обратился к А.А. Деливрону с требованием прибыть во Владивосток и дать показания против Тагеева. Расходы на проезд – туда и обратно, как уверял он, – готов взять на себя департамент полиции. Военный губернатор В.Е. Флуг отнесся к действиям А.Д. Заварицкого скептически: рассчитывать на содействие А.А. Деливрона бесполезно. Офицер был уверен, что если окажется во Владивостоке, то будет арестован и передан суду за участие в беспорядках во Владивостоке зимой 1906 г. И никакие заверения Заварицкого о том, что революционные грехи не так уж велики по сравнению с делом Тагеева, не помогут (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп.1. Д.1591. Л. 571).

А.А. Деливрон, как и предполагал военный губернатор, отказался приезжать во Владивосток, ссылаясь, что "японцы заподозрят его в шпионаже в пользу России и тогда дальнейшее его проживание в Японии станет невозможным". Он был согласен встретиться в Японии с командированным офицером или чиновником, который и проведет допрос при условии, что данное мероприятие будет тайной для

японской стороны. Но такие условия не устроили военного губернатора, и встреча не состоялась (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп.1. Д.1591. Л. 571).

Сам Б.Л. Тагеев вряд ли догадывался о подозрениях консула, которого считал "агентом царской охранки", но в силу неприязни к нему часто критиковал деятельность З.М. Поляновского в редакторских статьях "Промышленной российско-японской газеты": "Консул своим самоуправством разрушает торговые контакты. Пусть власти обратят внимание на человека, который роняет престиж России в глазах японцев. В глазах консула господин Куба опасный тип, а он служил 15 лет в компании "Кунст и Альберс". Вот так он способствует развитию российско-японских отношений, дискредитируя японские фирмы. Мы из кожи лезем, чтобы укрепить отношения между русскими и японцами" [13, с. 4].

Консул З.М. Поляновский потребовал от военного губернатора Приморской области В.Е. Флуга содействовать запрету газеты Тагеева, в которой стали появляться "разоблачительные материалы о разных русских правительственных торговых агентах, скандальные новости о беззаконии в России". Газета также информировала своих читателей о деятельности "Союза помощи народному освобождению". Во многих дальневосточных газетах стали появляться статьи самого редактора Б.Л. Тагеева, порочащие Россию (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1591. Л. 27).

В июне 1907 г. происходит еще один скандал в среде российских эмигрантов, закончившийся уходом Н.К. Судзиловского из Нагасакской группы "Союза помощи народному освобождению". Желая сэкономить бюджет организации, Н.К. Судзиловский заменил русских рабочих японскими в типографии "Дальний Восток", труд которых был дешевле. П.И. Кларк и другие члены организации подобный поступок признали безнравственным, поскольку "Союз помощи народному освобождению" создавался для обеспечения "заработка русским политическим эмигрантам". Б.Л. Тагеев поддержал П.И. Кларка. Девятый номер "Промышленной российско-японской газеты" начинался статьей редактора: "Положение эмигрантов рабочих, безжалостно выброшенных за борт из предприятия "Дальний Восток" доктором Русселем, в высшей мере степени безотраднo. Просьба обывателей Нагасаки оказать помощь, пожертвования можно передать по адресу Русский клуб, Сагариматцу, 9. 23 июня будет проведен спектакль в Public Hall, собранные средства пойдут на помощь товарищам, выброшенным на улицу товарищами-капиталистами. Можем только от души пожалеть тех доверчивых людей, которые попадутся на новую удочку Гонолульского плантатора" [14, с. 3].

В результате конфликта между членами Нагасакской группы "Союза помощи народному освобождению" организация прекратила свое существование. 2 августа 1907 г. появилась новая беспартийная организация – "Клуб русских политических эмигрантов в г. Нагасаки". Б.Л. Тагеев в своей газете подробно освещал её культурно-просветительскую деятельность, доход от которой шёл в пользу нуждающихся политических эмигрантов (РГИА ДВ. Ф.87. Оп. 1. Д. 1580. Л. 94).

Финансовые трудности у газеты возникли после её запрета в России распоряжением Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера: газета издавалась на средства, собираемые тайной подпиской на российском Дальнем Востоке. Запрет газеты произошел благодаря деятельности консула З.М. Поляновского, который не собирался довольствоваться достигнутым результатом: "Тагеевское дело удалось немного обуздать. Если закрыть газету Тагеева в Японии, то революционеры окажутся без средств на революционную деятельность. Японские полицейские обещали содействие" (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1591. Л. 97).

Заверения консула оправдались: в 1908 г. японские власти запретили "Промышленную российско-японскую газету". В марте того же года был закрыт "Клуб русских политических эмигрантов". Закрытие газеты лишило Тагеева стабильного дохода, необходимого для проживания в Японии. Обратиться за помощью было не к кому. Отношения с Н.К. Судзиловским, единственным человеком, который мог бы оказать писателю финансовую поддержку, были испорчены участием Тагеева в политических партийных интригах. Растратив все свои сбережения, писатель от-

правился в Гонконг через Шанхай, избежав ареста (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1591. Л. 97).

Дело в том, что когда к консулу З.М. Поляновскому поступили агентурные данные о том, что Тагеев планирует покинуть Японию, он попытался содействовать аресту журналиста. Ему стало известно, что тот побывал у японского полицмейстера, которому заявил, что должен отъехать в г. Шанхай, и просит документ, подтверждающий, что он не является ни российским шпионом, ни японским шпионом. Большинство просителей получали отказ, но в случае с Тагеевым документы были немедленно выданы просителю. З.М. Поляновский распорядился отослать фотокарточку Тагеева российскому консулу в Шанхае, чтобы по прибытии за Тагеевым было установлено наружное наблюдение. Также консул поставил в известность военного губернатора В.Е. Флуга о том, что, если желателен арест Б.Л. Тагеева в г. Шанхае, у российского консула должен быть приказ или письмо, подробно раскрывающее причину его ареста: шпионаж в пользу Японии. Арестовать в г. Шанхае Тагеева не удалось: очевидно, не было принято никаких мер, на которых настаивал консул. Писатель прожил в Китае некоторое время и благополучно покинул страну (РГИА ДВ. Ф.87. Оп.1. Д.1591. Л. 572).

Таким образом, версия о шпионской деятельности Тагеева базируется на материалах Владивостокского охранного отделения. Арестовать и привлечь писателя к уголовной ответственности не удалось. Но то, что не удалось сотрудникам охраны, осуществили органы госбезопасности СССР.

Эмиграция закончилась для Тагеева 17 февраля 1921 г., когда он прибыл в Советскую Россию. Писатель работал в журнале "Огонёк", в "Рабочей газете", в "Гудке" и написал немало книг о путешествиях и войнах, людях и странах, которые представляют сегодня интерес не только для специалистов по истории России и Среднего Востока, но и для широкого круга читателей. Многие из них и сегодня могут восприниматься даже искушенными читателями как русофобские. Арест Б.Л. Тагеева 19 октября 1937 г. в Москве положил конец его писательской и журналистской деятельности. Это был не первый арест писателя в СССР: он был задержан сотрудниками госбезопасности в 1922 г. после возвращения из Китая по подозрению в шпионаже. Причиной стала зарубежная командировка, и следственные органы тщательно проверяли всех, кто работал за рубежом. Советские специалисты становились объектом пристального внимания иностранных разведок. СССР считался врагом, поэтому спецслужбы стремились завербовать советских граждан для нейтрализации советской угрозы. Журналисту удавалось до поры до времени доказывать свою лояльность к советской власти [2, с. 79].

Можно предположить, что арест писателя 19 октября 1937 г. не был случайностью: 20 сентября 1937 г., согласно оперативному приказу народного комиссара внутренних дел Союза ССР Н.И. Ежова за № 00593, НКВД СССР начало операцию по репрессированию "харбинцев". "Харбинцами" органы госбезопасности СССР называли служащих Китайско-Восточной железной дороги и реэмигрантов Маньчжоу-Го, репатриация которых из Маньчжурии началась после того, как была продана в 1935 г. КВЖД. Обстановка в регионе была сложной и напряженной. Маньчжурия была оккупирована Японией. Тысячи людей оказались в СССР, попав в агентурную сеть НКВД. Руководством госбезопасности был сделан вывод, что в большинстве "харбинцы являлись белыми офицерами, полицейскими, жандармами, участниками различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и принадлежали к агентуре японской разведки, которая на протяжении ряда лет направлялась в СССР для террористической, диверсионной и шпионской деятельности". Под подозрение в шпионаже попадали также люди, ранее проживавшие в Китае и Японии, служившие в иностранных фирмах. Среди них мог оказаться и Б.Л. Тагеев [1, с. 80].

4 января 1938 г. Борис Леонидович Тагеев, бывший политический эмигрант и подполковник Британского волонтерского корпуса, был осуждён Военной коллегией Верховного Суда СССР и приговорён к высшей мере наказания "за измену Родине, организацию контрреволюционных выступлений и соучастие в совершении террористических актов". Реабилитирован писатель был в марте 1976 г. [2, с. 80]

Б.Л. Тагеев вошел в историю как журналист и публицист, раскритиковавший российскую дальневосточную политику, которая привела к поражению Российской империи в Русско-японской войне. Но будучи по натуре авантюристом, Борис Леонидович своим авантюризмом разрушил писательскую карьеру и подставил под удар собственную жизнь. Способствовало этому и его критическое отношение к особенностям русского менталитета и образу жизни как в Российской империи, так и в Советской России. Книги Б.Л. Тагеева (Рустам-бека) о путешествиях и войнах, людях и странах представляют сегодня интерес не только для специалистов по истории России и Среднего Востока, но и для широкого круга читателей. Но поскольку многие из них воспринимаются даже искушенными читателями как русофобские, изучение его творчества не поощрялось в СССР. Мифологизация личности писателя привела к тому, что сегодня в биографии Тагеева остается немало "белых пятен", ее изучение требует новых исследований.

Литература

1. Аблажей Н.Н. "Харбинская операция" НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80–85.
2. Абрамов В.В., Фролов В.Н. Военный ученый-востоковед Тагеев объездил полмира, а расстрелян в Москве // Военно-исторический журнал. 2002. № 4. С. 77–80.
3. Военный альманах. СПб.: "Балашев и К", 1901. 648 с.
4. Кандричин Н.А. Судзиловский Н.К. // Новейший философский словарь. Минск: "Книжный Дом", 2003. С. 1002.
5. Ножин Е.К. Правда о Порт-Артуре. СПб.: "Герольд", 1907. 964 с.
6. Памирские походы 1892–1895 гг. Десятилетие присоединения Памира к России. Варшава, 1902. 152 с.
7. Пилсудский Б.О. Письма Н.К. Судзиловскому (Русселю). (1906–1908 гг.) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 3. Южно-Сахалинск, 1999. 240 с.
8. Русско-японская война. Взгляд побежденных. М.: "АСТ: Транзиткнига", 2005. 764 с.
9. Рустам Бек. Панама русского флота. До войны, на войне, после войны. Ницца. 1908. 85 с.
10. Рустам-Бек (Тагеев Б.) Корень зла. Царские опричники на Дальнем Востоке. М.: Пятый Рим, 2018. 784 с.
11. Тагеев Б.Л. Бой и гибель славного "Рюрика". СПб.: "ЛеКо", 2006. 64 с.
12. Тагеев Б.Л. Из македонских воспоминаний русского добровольца // Русский вестник. 1903. № 12. С. 774–791.
13. Тагеев Б.Л. Приемы нагасакского консула // Промышленная российско-японская газета. 1907. № 7. 19 мая. С. 8.
14. Тагеев Б.Л. Плантатор из Гонолулу // Промышленная российско-японская газета. 1907. № 7. 19 мая. С. 8.
15. Шумский К. В плену у японцев // Исторический Вестник. 1907. № 5. С. 475–502.

References

1. Ablazhey N.N. Harbin operation of the NKVD in 1937–1938 // Humanities in Siberia. 2008. No. 2. P. 80–85.
2. Abramov V.V., Frolov V.N. Military scientist-orientalist Tageev traveled half the world, and was shot in Moscow // Military History Journal. 2002. No. 4. P. 77–80.
3. Military almanac. St. Petersburg: Balashev and K, 1901. 648 p.
4. Kandrichin N.A. Sudzilovsky N.K. // The latest philosophical dictionary. Minsk: Book House, 2003. P. 1002.
5. Nozhin E.K. The truth about Port Arthur. St. Petersburg: Gerold, 1907. 964 p.
6. Pamir campaigns 1892–1895. Decade of the accession of the Pamirs to Russia. Warsaw, 1902. 152 p.
7. Pilsudsky B.O. Letters to N.K. Sudzilovsky (Russet). (1906–1908) // Proceedings of the Bronislaw Pilsudski Heritage Institute. No. 3. Yuzhno-Sakhalinsk, 1999. 240 p.
8. Russo-Japanese War. The view of the vanquished. M.: ACT: Transitbook, 2005. 764 p.
9. Rustam Beck. Panama of the Russian fleet. Before the war, in the war, after the war. Nice. 1908. 85 p.
10. Rustam-Bek (Tageev B.) The root of evil. Tsarist guardsmen in the Far East. M.: The Fifth Rome, 2018. 784 p.
11. Tageev B.L. The battle and death of the glorious Rurik. St. Petersburg: LeKo, 2006. 64 p.
12. Tageev B.L. From the Macedonian memoirs of a Russian volunteer // Russian Bulletin. 1903. No. 12. P. 774–791.
13. Tageev B.L. Receptions of the Nagasaki consul // Industrial Russian-Japanese newspaper. 1907. No. 7.

May 19, p. 8.

14. Tageev B.L. Planter from Honolulu // Industrial Russian-Japanese newspaper. 1907. No. 7. May 19. P. 8.
15. Shumsky K. Captured by the Japanese // Historical Bulletin. 1907. No. 5. P. 475–502.

Дмитрий Александрович БУТЫРИН, канд. культурологии, доцент департамента коммуникаций и медиа Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: www1979@mail.ru

Dmitriy A. BUTYRIN, Candidate of Culturology, Associate Professor, Department of Communications and Media, Far Eastern Federal University Vladivostok, Russia, e-mail: www1979@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 23.03.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 01.11.2022

Принята к публикации

(Accepted) 09.12.2022